

ДЕЛО ЛЮШКОВА

Анатолий Владимирович ТРЕХСВЯТСКИЙ, с декабря 1994 г. — преподаватель филиала ДВГУ в г. Хакодате (Япония). Сфера интересов — советско-японские отношения в довоенный период, российская эмиграция в Японии. Имеет ряд публикаций на японском языке, касающихся некоторых моментов советско-японских отношений.

Важным документальным источником, открывающим новые страницы во взаимоотношениях между СССР и Японией в предвоенный период и непосредственно в годы второй мировой войны, наряду с архивными документами МИД обеих стран, является большой массив информации, концентрировавшийся в недрах советских и японских спецслужб того времени.

В конце 80 — начале 90-х годов в Японии увидели свет архивные материалы, с перерывами охватывающие период с начала 20-х годов по конец 1944 г. В основном эти материалы представляют собой ежемесячные и иные бюллетени, выходявшие под грифом «секретно» и «совершенно секретно» Охранным бюро министерства внутренних дел Японии (Наймусе кейхокеку). В качестве примера можно привести ежемесячный бюллетень «Гайдзи кэйсацухо» («Сообщения иностранного отдела полиции»). Сохранились номера 24 — 255 этого бюллетеня, охватывающие период с июня 1924 по июль 1944 г. Приоритетным направлением ежемесячника являлось освещение подрывной деятельности Коминтерна и управлявшей его работу ВКП(б), а также деятельности представителей европейских государств (прежде всего Германии) и США в Японии. С августа 1938 г. выходит также ежемесячник «Гайдзи гэппо» (Ежемесячник иностранного отдела полиции)¹. Любопытно, что наряду с обобщением информации, поступавшей из местных отделений иностранных отделов полиции о конкретной деятельности иностранных представительств в Японии, большое место в ежемесячнике отводилось разоблачению «заговора мирового сионизма и масонства» против Японии.

Лейтмотивом через все сборники ежемесячника 20 — 30-х годов проходит мысль о том, что все иностранцы (даже дружественные подданные Третьего рейха) являются шпионами. Тематически «Гайдзи гэппо» делится на несколько разделов: 1) подрывная деятельность иностранных представительств (начинается с советских представительств); 2) общая ситуация по странам; 3) информационная часть; 4) аналитические обзоры.

По мере все большего увязания империи в войне на Тихом океане происходит постепенная трансформация роли тайной полиции и смещение острого ее деятельности с иностранцев на японцев; особенно это заметно на заключительном этапе войны, когда Япония терпит от союзников одно поражение за другим. На базе системы слежки за иностранцами была развернута тотальная слежка за собственным народом. Теперь в ходу лозунг «Все японцы — потенциальные шпионы». Все это в полной мере находит свое отражение на страницах ежемесячника.

Именно на страницах «Гайдзи гэппо» за август 1938 г. помещается подшумный отклик на страницах японской и мировой прессы². Речь идет о так называемом «деле Люшкова» (именно под таким названием освещается это событие в ежемесячнике) — бегство в Японию 13.06.1938 г. через территорию Маньчжоу-Го начальника Управления НКВД Дальневосточного края ко-положений в СССР, которую сообщил перебежчик, широко освещались в японских средствах массовой информации³; упоминание о нем встречается практически в любой японской книге о СССР и России, где имеется хронологическая таблица японо-советских отношений; в СССР же об этом эпизоде в советско-японских отношениях практически ничего не было известно до послевоенного времени. За всю более чем 200-летнюю историю российско-японских отношений Люшков, несомненно, является самым высокопоставленным беглецом в Страну восходящего солнца.

Террор, развязанный Сталиным в 1930-е годы, является основной причиной бегства на Запад или невозвращения в СССР в ходе служебных командировок ряда высокопоставленных советских функционеров; в этом контексте надлежит рассматривать и «дело Люшкова». Единственное, что выделяет его из общего ряда — это выбор Японии в качестве страны-убежища, а также прямое и весьма активное сотрудничество со спецслужбами этой страны. Касательно выбора страны сам Люшков в своих показаниях отмечает, что основную роль сыграл географический фактор. Люшков дал ряд ценных для Японии показаний о ситуации в СССР, в частности, о репрессиях среди командного состава РККА, политического руководства страны, широких слоев населения. Люшков достаточно подробно осветил принципы и методы работы разведорганов СССР в Японии и прилегающих странах, а также военные приготовления СССР на Дальнем Востоке⁴. Последнее представляет особый интерес, так как о приготовлениях японской военщины на границах с СССР писалось достаточно много. А Советский Союз у нас однозначно изображается потерпевшей стороной, вынужденной принимать ответные меры против японской агрессии (так было, например, с событиями на озере Хасан). Как отмечает Люшков в своем дневнике, авантюристическая политика Сталина оказывала непосредственное влияние на советско-японские отношения и имела своей целью в конечном счете подчинить своему влиянию Китай, ставший к тому времени жертвой японской агрессии. Постоянные же ссылки в ходе показательных процессов на заговор германского фашизма и японского империализма имели своей целью оправдать необходимость собственных военных приготовлений и репрессий против своих бывших соратников, выставляемых германскими и японскими шпионами. Люшков был одним из первых, заявившим на весь мир о том, что показательные процессы сфабрикованы Сталиным (а он знал то, о чем говорил, в силу занимаемого им служебного положения).

В показаниях, а также в дневниковых записях Люшкова содержится много «устаревшей» информации, о которой нам стало известно в конце 80-х — начале 90-х годов, но есть также и любопытные моменты, позволяющие в несколько ином ракурсе взглянуть на дальневосточную политику советского правительства.

Итак, «Гайдзи гэппо» за август 1938 г. Автор заранее приносит извинения за возможные неточности в географических названиях, именах и фамилиях, неизбежные при обратном переводе с довоенного японского, а также из-за отсутствия необходимой справочной литературы.

Биографические сведения

Люшков Генрих Самойлович.

Родился в 1900 г. в г.Одессе в семье еврейского портного.

По окончании начальной школы работает и одновременно учится в вечерней школе. В 1917 г. под влиянием старшего брата — коммуниста участвует в революционной деятельности и вступает в партию. Принимает участие в установлении советской власти в Одессе. В 18-летнем возрасте поступает на службу в ЧК, затем принимает участие в гражданской войне на Украине, воюет с Деникиным в рядах 14-й армии. С 1920 г. — снова на службе в ЧК, где постепенно поднимается по служебной лестнице, работая на Украине (начальник Азовско-Черноморского НКВД) и в Москве. В августе 1937 г. назначается на должность начальника Дальневосточного ГПУ НКВД (с совмещением должности начальника особого отдела НКВД ОКДВА). Награжден тремя орденами, в том числе орденом Ленина.

В газете «Хакодате симбун» (Хакодатская газета) за 5.07.1938 г. помещена фотокопия удостоверения личности Люшкова⁵.

Правая часть удостоверения:

герб СССР, надпись: НКВД СССР, выдано 1.02.1938 г., действительно по 31.12.1938 г.; г.Москва, печать, личная подпись (Люшков)

Левая часть удостоверения:

Народный Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР,

Удостоверение № 83; прописью: Комиссар Государственной Безопасности 3 ранга Люшков Генрих Самойлович; печатными буквами: состоит в должности прописью: Начальника Управления НКВД Дальне Восточного края; печатными буквами: Народный Комиссар Внутренних Дел СССР Генеральный Комиссар Государственной Безопасности.

Люшков перешел советско-маньчжурскую границу и был задержан пограничниками Маньчжоу-Го 13 июня 1938 г. в 9 утра (по другим источникам в 5.30 утра) в приграничном районе Консюн провинции Циндао (в районе озера Хасан). При задержании сопротивления не оказывал и сразу же заявил, что является высокопоставленным офицером НКВД. При себе имел 3500 юаней Маньчжоу-Го, много различных документов. Информация о задержании перебежчика через Сеул была передана в Токио, в генеральный штаб сухопутных войск. Информация пошла не через Квантунскую армию, размещавшуюся в Маньчжурии, а через штаб Корейской армии в Сеуле потому, что приграничный район Маньчжурии Консюн относился к зоне ответственности Корейской армии. Из 2-го отдела генштаба (разведка) последовала команда срочно переправить Люшкова в Токио.

По прибытии в Токио перебежчик был допрошен представителями русского сектора 2-го отдела генштаба, в частности майором Котани, работавшим до этого в военном атташате в японском посольстве в Москве и в силу этого хорошо понимавшим, какая крупная «птица» попала к ним в руки⁶. Материалы показаний Люшкова помещены в «Гайдзи гэнпо» за август 1938 г. Показания развиты на несколько тематических разделов.

1. Деятельность разведорганов СССР в Японии

Разведывательную деятельность против Японии осуществляют следующие ведомства: НКВД, РККА, а также ВКП(б) независимо друг от друга. Активно используется посольство и торговое представительство СССР в Токио. Разведчики занимают сравнительно низкие по рангу дипломатические прикрытие. Особенностью разведывательности в Японии является активное использование

Г. С. Люшков

граждан третьих стран, в частности, Германии и США. Члены коммунистических организаций Германии охотно помогают СССР в разведывательности (вспомним Рихарда Зорге — А.Т.). Еще одной особенностью является использование фиктивных браков для направления кадровых сотрудников НКВД в качестве жен дипломатических работников. (Так, жена посла СССР в Японии Сметанина, по утверждению Люшкова, являлась сотрудницей НКВД).

Основным каналом проникновения в Японию является Шанхай и США. Часто используются документы граждан третьих стран. Как правило, разведчик перед прибытием в страну назначения несколько лет занимается коммерцией или иной деятельностью в третьей стране, а затем прибывает в Японию как коммерсант третьей страны. Связь поддерживается через связников или через третьи страны. Радиопередатчики в основном предназначены для использования в военное время. По словам Люшкова, в Японии нет нелегальной резидентуры с передатчиком (в отличие от других пунктов, в которых практически просто приводятся показания Люшкова без всяких комментариев, в данном случае в скобках помещен редакционный комментарий о том, что в этом моменте Люшкову вряд ли можно верить).

2. О положении в СССР

(В тексте есть пометка, что с данной информацией имеет право ознакомиться только руководящий состав полиции).

Наряду с широко известной информацией о структуре законодательной и исполнительной власти, о ВКП(б) Люшков приводит также ряд ценных сведений о ситуации, сложившейся в стране к лету 1938 г.

Цели и характер чисток

Начавшись с ликвидации правотроцкистско-зиновьевского блока, репрессии постепенно охватили все партийные, советские и хозяйственные органы, а также РККА и НКВД. Число репрессированных достигло нескольких миллионов человек. Сталин сделал ставку на уничтожение «старых» коммунистов и на замену их молодыми выдвиженцами.

Из секретных директив, поступивших в последнее время из Москвы на Дальний Восток, Люшков приводит следующие.

- Вести беспощадную борьбу с «врагами народа» во всех звеньях партийных, советских и хозяйственных органов.
- Пропагандировать угрозу японской агрессии.
- Укреплять обороноспособность Дальнего Востока и оказывать всемерную поддержку ОКДВА.
- Особое внимание уделить улучшению работы железнодорожного транспорта.

- Улучшить работу с допризывниками.
- Ужесточить отношение к японским концессионерам.
- Пресекать и подавлять антисоветские проявления в среде пересылаемых корейцев и китайцев.
- Провести массовые аресты кулаков, лиц, принимавших в прошлом участие в антисоветской деятельности, служивших в Белой армии, являвшихся в прошлом меньшевиками и эсерами.

- Провести массовые аресты лиц, поддерживающих связи с границей, а также иностранцев (голландцев, немцев, латышей), принимающих участие в антисоветской деятельности.

- Усилить меры по пресечению контактов японских консульских учреждений с советскими гражданами, подвергать арестам и допросам граждан, посещавших консульства.

- Составить списки лиц вышеуказанных категорий для выселения с Дальнего Востока.

- Создать пояс запретных районов на Дальнем Востоке, ужесточить процедуру оформления поездок организованных туристов и продажу билетов, создать два вида пропусков для местных жителей и для временно прибывающих на ДВ лиц, создать разрешительную систему для перемещений внутри дальневосточных районов, запретить въезд на Дальний Восток иностранцев (за исключением транзита), ужесточить паспортный контроль.

- Создать при НКВД «Тройственные советы» (тройки) из руководящего состава органов и представителей местных партийных органов.

- Расстреливать перебежчиков через границу.

- Ужесточить наблюдение за японскими военнослужащими, готовящими вторжение за пограничную полосу; в случае вторжения давать огневой отпор.

Через две недели после перехода Люшковым границы министерство сухопутных сил принимает решение об обнародовании факта бегства в Японию высокопоставленного функционера НКВД. На следующий день японские цент-

ральные и местные газеты поместили на первой полосе фотографию Люшкова, фотокопию его удостоверения и дневниковых записей⁶. Типичные заголовки материалов, касающихся Люшкова: «Жертвы чистки», «Казнен миллион человек», «СССР в потоках крови». Вот краткая выдержка из одной газетной статьи:

«... На Дальнем Востоке существует система лагерей, предназначенная для жертв террора, развязанного Сталиным внутри страны. По сообщению Люшкова, все показательные процессы, организованные после убийства Кирова в декабре 1934 г. (объединенного зиновьевско-каменевского блока, центра Сокольников-Пятакова, маршала Тухачевского и др.), сфабрикованы с самого начала и до конца и готовились и проводились по непосредственному указанию Сталина...»

... В лагерях находится между 4 и 5 миллионами человек... И это тот прогрессивный социальный строй, который Сталин при помощи Коминтерна пытается навязать мировой цивилизации?...⁷ В газетах помещены выдержки из дневника Люшкова, в котором он пишет о мотивах и обстоятельствах бегства из СССР, а также о внутриполитической ситуации в СССР. Дневник не лишен полемической риторики и эмоциональности, но вместе с тем необходимо учитывать, что написан он в то время, когда подобных свидетельств о преступлениях сталинского режима было не так много.

В ежемесячнике «Гайдзи гэнпо» дневник приведен в наиболее полном виде (по крайней мере, по сравнению с газетными материалами). Выдержки из дневника, цитируемые ниже, представляют собой обратный перевод с японского, поэтому вероятны некоторые отличия от оригинала, местонахождение которого неизвестно⁸.

«Почему я, человек, который занимал один из руководящих постов в органах власти «Советов», решился на такой шаг, как бегство? Прежде всего я спасался от чистки, которая вот-вот должна была меня коснуться. Накануне я получил приказ о переводе на место службы в Москву и директиву о немедленном отбытии туда; вместе со мной аналогичную телеграмму получил секретарь Далькрайкома Сташевич. Незадолго до этого в Москву был вызван и казнен секретарь Дальисполкома Легконрагов; вызов руководящих сотрудников в Москву с последующим арестом стал в последнее время обычным. (В качестве примера можно привести: НКВД по Ленинградской области Заковский, НКВД Украины Реплевский, НКВД Белоруссии Берман, НКВД по Свердловской области Дмитриев и другие). Все они принадлежали к руководящему звену чекистов «старого призыва», к которому принадлежу и я. Я чувствовал, что в ближайшее время такая же участь постигнет и меня. Я стал готовиться к бегству, организовав командировку в район границы. Сначала я планировал переход в районе Гродеково, но в итоге перешел границу в районе Посьета.

Я много размышлял перед тем, как пойти на такое чрезвычайное дело, как бегство из СССР. Передо мной была дилемма: подобно многим членам партии и советским работникам быть расстрелянным в качестве «врага народа», будучи оклеветанным или же посвятить остаток своей жизни борьбе со сталинской политикой геноцида, приносящей в жертву советский и другие народы. Мое бегство поставило под удар мою семью и друзей. Я сознательно пошел на эту жертву, чтобы хоть в какой-то мере послужить освобождению многострадального советского народа от террористически-диктаторского режима Сталина.

... Велики мои преступления перед народом, т.к. я сам являлся одним из участников этой страшной сталинской политики, убившей многих и многих советских людей. Нет особой необходимости говорить, что сам факт моего бегства будет преподнесен как то, что я шпион и продавшийся наймит Япо-

нии... Но у меня не было и нет иных целей бегства, кроме тех, о которых я уже говорил.

Почему я выбрал Японию? Я работал на Дальнем Востоке, т.е. важную роль сыграл географический фактор. Я благодарен стране, которая приняла меня как политического беженца и предоставила мне убежище. Не так уж редко противники политического режима, воцарившегося на их родине, вынуждены были бежать из своей страны. Руководители большевистской партии во главе с Лениным во времена борьбы с царизмом долгое время имели политическое убежище в капиталистических странах и использовали материальную помощь этих стран в борьбе за свой народ и не стыдились этого. Да, я — предатель, я предал Сталина, но не свой народ и родину.

... Большое влияние на мое решение бежать оказали также нижеследующие обстоятельства: для меня стало очевидным, что ленинизм потерял стержневую роль в политике партии. Мои сомнения начались с убийства Кирова Николаевым в 1934 году. Это убийство оказало большое влияние на партию и государство. Я не только в то время находился в Ленинграде и принимал участие в расследовании, но и под руководством Ежова принимал участие в последующих событиях, вызванных этим убийством. Я имел непосредственное отношение к следующим делам:

1. Дело «Ленинградского центра» в начале 1935 г.

2. Дело «террористического центра», готовившего убийство Сталина в Кремле в 1935 г.

3. Дело «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г.

Перед лицом мировой общественности я должен прямо заявить, что все эти «дела» являются сфабрированными. Николаев не принадлежит к группе Зиновьева. Из знакомства с его дневником видно, что это человек, который сошел с нормальной орбиты, находящийся в плену диких фантазий, возмнивший себя вершителем судеб и исторической личностью. Обвинения, прозвучавшие на судебном процессе в августе 1936 г. (о связи с троцкистами и фашистским гестапо, об участии в заговоре Зиновьева и Каменева и их связи через Томского, Рыкова и Бухарина с правым центром) являются выдумкой. Все они были убиты, потому что, как и многие другие выразили свое несогласие с антинародной политикой Сталина. Их нельзя назвать выдающимися политиками. Они также ответственны за творимое в стране.

Сталин умело использовал убийство Кирова для обвинения своих политических противников в создании шпионско-террористических центров и устранил с арены не только тех, кто противостоял ему в прошлом, но также и тех, кто в будущем мог стать его противником. Репрессии затронули практически всех членов партии, игравших ключевую роль в Октябрьской революции и гражданской войне. Сталину для проведения авантюристической политики нужны не рассуждающие простые исполнители его замыслов. Сталину нужно отвлечь народ от внутренних проблем, переключить направленность на внешние, ему нужна война. В стране создана громадная армия, огромные средства расходуются на вооружения, ведется широкая пропагандистская кампания, спекуляция на патриотических чувствах народа... Постоянные ссылки в ходе процессов на заговор германского фашизма и японского империализма против СССР имеют своей целью оправдать необходимость собственных военных приготовлений.

... Еще одна черта в организации процессов. Многие иностранцы обратили внимание на то, какие чудовищные признания делали обвиняемые в ходе процессов. Готовность к сотрудничеству с организаторами процессов выбива-

лась путем пыток в тюрьме на Лубянке. Но даже при такой организации дела случались осечки...

... Авантюристическая внешняя политика Сталина оказывает влияние и на советско-японские отношения. Внутри страны ведется пропагандистская кампания, ставящая целью убедить народ в подготовке Японией нападения на СССР. Сталин оказывает Чан-Кайши военную помощь, рассчитывая по мере уязвения Японии в войне с Китаем на их взаимное истощение и на последующий удар силами Дальневосточной армии и Тихоокеанского флота. На Дальнем Востоке сосредоточена примерно 270-тысячная армия (20 дивизий); если к ним прибавить забайкальскую армию и войска НКВД, то получится, что к востоку от Байкала сосредоточено 400 тысяч человек и около 2 тысяч самолетов.

... Очевидная цель Сталина — постепенно подчинить своему влиянию слабеющий Китай...

... Масштабные репрессии коснулись и командного состава Красной Армии... Арестована большая часть командармов, комкоров, комдивов и комбригов. Как массовые аресты среди гражданских лиц оказали огромное психологическое давление на население, так и аресты в армии оказали влияние на политические настроения, воинскую дисциплину и уровень боеготовности. Чистки для Сталина — не только способ устранения «политически опасных» людей, но и создание послушной армии как важнейшего звена в подготовке к войне».

Коснувшись в приведенном дневнике своей роли непосредственного участника сталинского геноцида, Люшков в последующем избегал разговоров на эту тему. По воспоминаниям много общавшегося с ним Такая Какудзо, «... в отличие от вопросов об истории революции, закулисных интригах в Кремле и т.д. для Люшкова самыми неприятными были вопросы о том, сколько человек он убил и сколько человек приказал казнить. Он всячески избегал подобных разговоров. Похоже было, что по прибытии в Японию он изо всех сил пытается забыть свое прошлое». Также избегал он и разговоры о семье. Среди личных вещей, которые находились у Люшкова при переходе границы, была обнаружена телеграмма следующего содержания: «Шлю свои поцелуи...», содержание которой японская сторона расценила как зашифрованное послание¹⁰. Стало известно, что, приняв решение о бегстве, Люшков заблаговременно отправил из Хабаровска в Москву жену Елену (Инну?) (тогда ей было 27 лет) и 11-летнюю дочь. Вышеупомянутая телеграмма являлась оповещением о том, что семья перебирается в Восточную Европу. Только после этого сам Люшков осуществил переход границы. Остальное неизвестным, смогла ли семья благополучно выбраться за пределы Советского Союза.

13 июля в Токио проходит пресс-конференция для японских и иностранных журналистов, на которой Люшков рассказывает о мотивах своего бегства из СССР, о политической ситуации в стране и о военном строительстве на Дальнем Востоке¹¹. После этого Люшкова селят на охраняемой вилле, где начинается составление справок по ГПУ, внутриполитической ситуации в СССР, нацеленных на установление отношений и дислокации частей ОКДВА. Обзоры Люшкова под псевдонимом «Маратов» (псевдоним придумали японцы, «мара» японски — слово из 3-х букв, которое является непременным атрибутом «на-японски» — слово из 3-х букв, которое является непременным атрибутом «на-японски») живописи на заборах и в общественных туалетах нашей страны) направляются в 5-й сектор (русский) 2-го отдела генштаба и в 8-й отдел, ведавший пропагандой и диверсиями. Непосредственно курирует перебежчика Такая Какудзо из 8-го отдела — человек с богатой биографией, достойной кратного упоминания. Окончив в 11-м году Тайсе (1922) Высшую промышленную школу в Осака, Такая переезжает в США, где вступает в американскую

Летом 1932 г. Люшкова, оказавшегося к тому времени на ответственной работе в Москве, включают в состав инспекции во главе с Кагановичем, целью которой являлось знакомство с ситуацией в сельском хозяйстве Северного Кавказа. По прибытии в Ростов члены группы разъезжают по сельским районам. Люшков выбирает казачью станицу Тихорецкую. По пути на полустанках нам бросались в глаза толпы крестьян, бросивших свои села, дети, просящие у пассажиров поездов хлеб. На примере Тихорецкой — еще в недавнем прошлом богатой казачьей станицы — Люшков описывает те невзгоды, которые принесла насильственная коллективизация деревне. Встречаясь и разговаривая с колхозниками в этой и других станицах, Люшков приходит к выводу, что причиной запустения и голода вовсе не является саботаж кулаков и происки антисоветских элементов, как докладывали местные представители НКВД, а как и на Украине, политика самого государства, отнимающего у крестьян последний хлеб в неурожайный год.

По возвращении в Ростов Люшков докладывает Кагановичу о реальном положении дел, но у того заготовленный еще в Москве ответ: все это — результат обострения классовой борьбы на селе. На слова о том, что село голодает и нужна экстренная помощь, Каганович ответил, что крестьяне сами виноваты и если умрет 2—3 сотни, то другим это будет хорошим уроком. По приказу Кагановича во всех казачьих станицах вводится чрезвычайное положение, они изолируются от внешнего мира, прекращается подвоз товаров. Идут повальные обыски и изымается все зерно без остатка. Казаки целыми станицами высылаются на Север и в Сибирь. Принудительное изъятие зерна в неурожайный год означало массовую гибель крестьян голодной смертью. Чекистские отряды не успевали рыть могилы, поэтому тела умерших от голода просто сбрасывали в старые колодцы и засыпали. Подобное происходило не только на Северном Кавказе, но и на Украине и в Нижнем Поволжье.

Касаясь ситуации в сельском хозяйстве Дальнего Востока, последнем месте службы, Люшков приводит следующие данные по Амурской области, которая играла ведущую роль в дальневосточном регионе: в среднем по колхозам Амурской области зимой 1937 г. на трудодень колхозники получали по 300—400 граммов зерновых и 20—40 копеек деньгами. Ситуацию по снабжению дальневосточных городов овощами усложнила насильственная высылка корейцев и китайцев, являвшихся основными производителями овощной продукции. По наблюдениям Люшкова, деревня выживала только за счет подворного хозяйства. Не случайно о недопустимости потворствования частно-собственническим инстинктам крестьян, с большей энергией работающих на своих огородах, чем на колхозном поле, говорили на XVIII съезде партии Молотов и Андреев.

Люшков подробно анализирует неэффективность колхозной системы, приводя многочисленные статистические данные, взятые им из советской печати. Так, сравнивая статистику 1890 г. и статистические данные за 1937—1938 гг. по доходам крестьянских хозяйств и колхозников, Люшков приходит к выводу, что в перерасчете на царские рубли доходы крестьян за минувшие почти 50 лет не только не возросли, но, наоборот, упали. Подытоживая свой обзор, Люшков делает вывод, что политика Сталина, направленная на возрождение крепостничества в колхозном варианте и выдавливание «лишних» крестьян в города и в Сибирь, ставит своей целью не только перевод сельского хозяйства на промышленные рельсы (МТС и др.), но и обеспечение рабочими руками промышленности.

Заключительная статья под названием «Критика продвижения СССР в Европу» публикуется в декабрьском номере «Кайдзо»¹⁶. В статье Люшков от-

мечает, что разворот внешней политики СССР на 180 градусов, выразившийся в заключении пакта «Молотов—Риббентроп», несомненно является самым значительным международным событием последнего времени. Результатом пакта стало уничтожение Польши. Размышляя о причинах молниеносного разгрома Гитлером польской армии и развале Польского государства, Люшков приходит к выводу, что сама государственная система, основанная на насилии в отношении неполяков (украинцев, белорусов, литовцев), составивших половину польской армии.

Заключая соглашение с Гитлером, Сталин клянулся на приманку фюрера — долю в дележе Польши, признание балтийских стран сферой интересов СССР. Совместное уничтожение польской государственности, одностороннее прекращение советской стороной идеологической борьбы с нацизмом, гарантии восточных границ рейха, оказание политической и экономической поддержки Гитлеру — все это в серьезной степени изменило баланс сил на международной арене. На нынешний момент, писал Люшков, трудно предсказать, насколько прочным окажется новый союз Сталина с Гитлером. Несомненно одно — какой-либо серьезной оппозиции новому курсу Сталина на сближение с фашизмом в СССР ожидать не приходится: советские люди уже научены принимать вещи в том свете, как они подаются высшим руководством.

Критикуя в вышеупомянутых статьях политику Сталина, Люшков выставляет себя в виде «старого большевика»-ленинца, «забывая» о своей собственной роли в названных событиях. А между тем даже белоглазого просмотра основных вех биографии Люшкова достаточно, чтобы предположить, что занимал он позицию не стороннего наблюдателя, а активного участника описываемых событий. Так, начало служебной карьеры Люшкова приходится на Одесскую ЧК в 1918 г., а даже люди, не имеющие отношения к Одессе, достаточно слышали о зверствах ЧК, творившихся в этом южном городе в том году. Следующий факт, о котором нет ни малейшего упоминания у Люшкова: как отмечал приморский краевед В. К. Донской в статье «Разгром восточного факультета ДВГУ»¹⁷, «... Волна репрессий достигла на Дальнем Востоке наибольшей высоты во второй половине 1937 — первой половине 1938 г. Начало положил приезд в Хабаровск в августе 1937 г. бригады во главе с комиссаром по госбезопасности третьего ранга Генрихом Люшковым, который заступил на пост полномочного представителя НКВД по ДВК (с совмещением должностей начальника Управления НКВД по ДВК и начальника Особого отдела НКВД ОКДВА). Вскоре после его назначения все руководство дальневосточных управлений НКВД было создано на совещание в Хабаровск и арестовано...»

Дальнейшая судьба перебежчика подробно описывается в еженедельнике «Сюнкан Асахи»¹⁸ Кавагути Нобуюки, которому удалось собрать подробные свидетельства сотрудников японской разведки, близко знавших Люшкова. Интересно, что поводом к публикации послужил выход в свет политическим детективом под названием «План убийства Сталина». Главным действующим лицом являлся генерал советской тайной полиции Люшков, возглавивший группу террористов, задачей которой было проникновение в СССР и убийство Сталина. Появление этого бестселлера, не имевшего ничего общего с реальными событиями, и послужило поводом для воспоминаний ветеранов японской разведки.

По свидетельству полковника Асада, к концу 1944 г. центр разведывательной работы по СССР был сосредоточен в Квантунской армии, и возник замысел отправить Люшкова в Маньчжурию, так сказать, поближе к изучаемому объекту. Вдобавок самого Асада перевели на высокую должность в «органы

особого назначения» (японская разведка в Маньчжурии) в Харбин. Но Люшков собирался переправить не в Харбин, где было советское консульство и 30 тысяч эмигрантов, а, по соображениям безопасности, в более спокойный Дальний. Из-за задержки с оформлением Люшков прибыл в Харбин в конце июля — начале июля. Существуют свидетельства о том, что сразу же по прибытии Люшков в составе группы харбинских «органов особназа» выезжает в район маньчжурско-советской границы и участвует в анализе поступающей с мест информации. Предметом особого беспокойства японского командования являлось непродление СССР в апреле 1945 г. советско-японского договора о невмешательстве и начавшаяся после окончания войны в Европе переброска войск и техники на советский Дальний Восток. Весть о начале Советским Союзом боевых действий против Японии застаёт Люшкова в Дальнем, в гостинице «Дайва», где он находился вместе с майором Танака. 11 августа Танаку вызвали к сменившему полковника Асада на посту начальника органов особого назначения Харбина полковника Ямасита. Ямасита приказывает Танаке «убрать» Люшкова, так как «...Возникла чрезвычайная ситуация (СССР вступил в войну против Японии) и нельзя предугадать, что произойдет, если узнают, что мы его (Люшкова) использовали». Танака делится своими сомнениями с уже знакомым нам Такаей, что не может убить человека, с которым провёл вместе несколько лет и который сформировал его представления о СССР. Такаей соглашается убить Люшкова, выдвинув два условия: отправка его с семьёй в Японию и получение 300 тысяч иен. Ямасита принимает условия, и Такаей отправляется в Дальний. Вернувшись 14 августа в Харбин, он докладывает об исполнении приказа и отбывает с семьёй в Японию. После войны Танака уже в Японии случайно встречается с Такаей и узнает, что тот на самом деле не ездил в Дальний, а провёл время в Шэньяне, сделав только вид, что исполнил приказ командования.

Приказ был выполнен начальником органов особого назначения Дальнего капитаном Такэути. По его словам, 16 августа (день капитуляции Квантунской армии) он посетил штаб укрепрайона Квантунской области, чтобы получить указания, что делать с Люшковым, так как в город вот-вот войдет советская армия, и так оставлять его нельзя. Рассматривалось несколько вариантов, в том числе передача Люшкова в руки советской армии, отпуск его на «все четыре стороны» и т.д., но в итоге было принято решение застрелить. 20 августа Люшков поздно вечером был вызван в штаб особназа Дальнего. Беседа Такэути с Люшковым длилась более двух часов; Такэути убеждал Люшкова застрелиться, но тот отказывался, мотивируя свое поведение тем, что пока еще можно бежать, и ситуация не такая безвыходная. В итоге Такэути застрелил Люшкова при выходе из штаба. Тело было кремировано, а пепел помещен в одном из буддийских храмов города. В этот день в Дальний вошли части советской армии. Как вспоминает Такэути, в момент исполнения казни он думал о том, что ему выпала почетная обязанность выполнить приказ вышестоящего командования; но вместе с тем в сердце было и такое чувство, что перед ним — перебежчик, человек, предавший свою Родину...

На этом «дело Люшкова» заканчивается, но остается ряд вопросов. В частности, из публикации в «Гайдзи гэппо» совсем неясно, какие сведения мог сообщить перебежчик, кроме той информации достаточно общего характера, которая приведена выше. По своему служебному положению Люшков не мог не знать о наличии агентства иностранного отдела своего управления НКВД в Маньчжурии и Японии (кстати, Люшков и не скрывал от японцев, что 3 500 иен, которые были при нем в момент задержания, взяты им из денег, предна-

значенных для выплаты иностранной агентуре). Как известно, именно на этот период приходится борьба центрального аппарата НКВД со своими нелегальными резидентурами по всему миру, когда многие резидентуры были в результате репрессий просто разгромлены. Как обстояло дело в Японии?

Интересным также представляется вопрос о взаимосвязи между «делом Люшкова» и пограничным конфликтом между советскими и японо-маньчжурскими войсками в районе озера Хасан (в Японии известен как «инцидент в районе высоты Чангуфэнь»). Вот как описывается начало конфликта в том же августовском номере «Гайдзи гэппо»¹⁹:

«Данный инцидент начался 12 июля 1938 г., когда несколько десятков советских солдат перешли советско-маньчжурскую границу и, противозаконно заняв высоту Чангуфэнь (Заозерная), начали возводить на ней укрепления. 14 июля представители властей Маньчжоу-Го, 15 июля — правительство Японии выразили протест действиям советской стороны; в ответ на это СССР продолжил увеличивать количество военнослужащих. В результате контрмер, принятых императорской армией, а также переговоров между послом в СССР Сигэмицу и наркомом иностранных дел СССР Литвиновым (4,7,10 августа), было заключено соглашение о перемирии, а затем 11—13 августа — соглашение на месте, которым инцидент был окончательно урегулирован».

В связи с конфликтом иностранный отдел японской полиции усилил контрразведывательную деятельность в отношении иностранных представительств в Токио; среди потока разноплановых сообщений есть довольно любопытные, в которых упоминается и Люшков. Так, агентура контрразведки тщательно скопировала содержание стенгазеты в клубе советского посольства, посвященной теме: «Высота Заозерная — исконная русская земля». В заметке сотрудника пресс-атташата Коробкина отмечается, что японская пресса в связи с так называемым «делом Люшкова» раздула истерическую и лживую пропагандистскую кампанию, поэтому вполне естественно, что СССР вынужден укреплять свои границы²⁰.

По оценкам представителей британского посольства, хасанские события являлись для Сталина средством отвлечь народные массы от репрессий внутри страны, переключить их внимание на угрозу «империалистической агрессии». Япония вряд ли заинтересована расширять подобные пограничные конфликты в полномасштабную войну с СССР, по крайней мере до тех пор, пока она не решит «китайский вопрос».

По мнению представителей посольства США, получив информацию от перебежчика Люшкова, Япония приобрела достаточную уверенность по отношению к пограничным конфликтам с СССР. Нынешний инцидент подтвердил информацию Люшкова о неготовности войск ДВО вести широкомасштабные боевые действия, выявил слабые стороны в организации управления войсками РККА.

Германское посольство: данный конфликт не выходит за рамки регионального, но вызывает опасение, что подобные конфликты могут оказать негативное воздействие на уровень боеготовности японской императорской армии, в чем Германия объективно не заинтересована²¹.

В любом случае 7-летнее пребывание Люшкова в японской столице под усиленной охраной на весьма привилегированном положении может косвенно свидетельствовать не только о признании прошлых революционных заслуг (как никак генерал), но и о высокой оценке японским руководством информации, сообщенной перебежчиком.

Автор вполне осознает, что вышеизложенная информация имеет «однобокий» характер в силу того, что за основу взяты только японские материалы, и надеется на замечания и дополнения со стороны читателей, интересующихся историей Дальнего Востока этого периода.

Автор выражает признательность за помощь в поиске материалов, послуживших основой для данной статьи, госпоже Симидзу из архивного отдела муниципалитета Хакодате, а также господину Нагасима из Японской ассоциации зарубежных культур (Токио).

¹ «Гайдзи гэнпо». Сэва 13 — Сэва 19 изд. Наймусё кэйхокёку (Ежемесячник иностранного отдела полиции. 1938—1944 гг. Охранное бюро министерства внутренних дел Японии). Токио.

² «Гайдзи гэнпо». Рюсиокофу тайсё зүккё тобо дзикэн. (Бегство через границу генерала Лышкова). 1938. Август. С. 24—36.

³ Газета «Эмнури симбун». 2, 3, 5, 7 июля 1938 г.; Газета «Хакодате симбун». 1938. 2, 5, 8, 13 июля и др.

⁴ «Гайдзи гэнпо». Рюсиокофу тайсё зүккё тобо дзикэн. (Бегство через границу генерала Лышкова). 1938. Август. С. 24.

⁵ «Хакодате симбун». 1938. 5 июля.

⁶ Кавагути Нобуюки. Сутарин ансацу кэйкаку но сюдзинко Рюсиокофу тайсё но сайки. (Последние моменты жизни генерала Лышкова — главного героя плана убийства Сталина). Ежегодник «Сюкан Асахи». 20 июля 1979 г. С. 16—23.

⁷ «Хакодате симбун». 1938. 8 июля.

⁸ «Гайдзи гэнпо». Рюсиокофу тайсё зүккё тобо дзикэн. (Бегство через границу генерала Лышкова). 1938. Август. С. 33—36.

⁹ Кавагути Нобуюки. Сутарин ансацу кэйкаку но сюдзинко Рюсиокофу тайсё но сайки (Последние моменты жизни генерала Лышкова — главного героя плана убийства Сталина). Ежегодник «Сюкан Асахи». 1979. 20 июля. С. 19.

¹⁰ «Гайдзи гэнпо». Рюсиокофу тайсё зүккё тобо дзикэн. (Бегство через границу генерала Лышкова). 1938. Август. С. 25.

¹¹ Газета «Эмнури симбун». 1938. 14 июля.

¹² Кавагути Нобуюки. Сутарин ансацу кэйкаку но сюдзинко Рюсиокофу тайсё но сайки (Последние моменты жизни генерала Лышкова — главного героя плана убийства Сталина). Ежегодник «Сюкан Асахи». 1979. 20 июля. С. 21.

¹³ Мураяма Ситиро. Соран сюкэсэй косаку но гэнданкай (Современный этап чисток в СССР). Журнал «Кайдзо». 1938. Август. С. 88—95.

¹⁴ Лышков. Дай 18 кай кёсантотайкай но хихан (Критика XVIII съезда ВКП(б)). Журнал «Кайдзо». 1939. Май. С. 223—239.

¹⁵ Лышков. Соран ногё мондай но хихан (Критика проблем сельского хозяйства СССР). Журнал «Кайдзо». 1939. Июль. С. 58—89.

¹⁶ Лышков. Соран но тайоосинсюу хихан (Критика продвижения СССР в Европу). Журнал «Кайдзо». 1939. Декабрь. С. 254—264.

¹⁷ В. К. Донской. «Разгром восточного факультета ДВГУ». Вестн. ДВО РАН. 1996. №1. С. 96.

¹⁸ Кавагути Нобуюки. Сутарин ансацу кэйкаку но сюдзинко Рюсиокофу тайсё но сайки (Последние моменты жизни генерала Лышкова — главного героя плана убийства Сталина). Ежегодник «Сюкан Асахи». 1979. 20 июля. С. 16—23.

¹⁹ «Гайдзи гэнпо». 1938. Август. С. 38.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

SUMMARY. The article by a lecturer of the branch of the Far Eastern State University in Hakodate (Japan) A. Trekhsyatsky is called «The Case of Lyushkov». The question is about the Chief of the Administration of NKVD for the Far East, G. Lyushkov, who in 1938 illegally went over to the Japanese and worked with them till the end of the Second world war. The article tells about all peripeteia of this treachery; the author analyses Lyushkov's publications in the Japanese press and records of his interrogations by the Japanese.

КОРОТКО О КНИГАХ

РЫЦАРЬ РЕВОЛЮЦИИ. Воспоминания современников о Ф. Э. Дзержинском. Политиздат. М. 1967. 335 стр.

«Зачем говорить о нем как о человеке? — спрашивает в своем очерке о Дзержинском ближайший преемник его на посту председателя ВЧК — ОГПУ В. Менжинский. — Массы знали и любили его как руководителя борьбы с контрреволюцией, как борца за восстановление хозяйства, как стойкого партизана, умершего в борьбе за единство партии. Казалось бы, и довольно. — Однако, продолжает Менжинский, Дзержинский как человек и деятель «так не похож на тот казенный образ, который уже начал складываться и заслонять живого человека, что секрет его влияния на всех, кто с ним встречался, и особенно на тех, кого он вел за собой, начинает становиться непонятной тайной. Поэтому в интересах молодежи, которая не имела счастья лично его знать, я попробую дать представление о некоторых его чертах». Этой целью — создать живой образ Дзержинского — служат воспоминания современников, напечатанные в сборнике «Рыцарь революции».

Есть в этой книге и воспоминания, в которых агитационный пафос выражен больше всего в эпитетах «пламенный», «стальной», «твердокаменный», «несгибаемый». Однако там, где рассказаны простые эпизоды будней революции, облик «железного Феликса» сам по себе предстает воплощением беззаветной революционной преданности и человеческой красоты.

Немало внимания авторы сборника уделяют чекистской этике, которую выработывал Дзержинский: его отношению к анонимным письмам и вообще к «донесителям», его указаниям, как должен вести себя чекист при проведении обыска или ареста, фактам беспощадного наказания за произвол или грубость некоторых сотрудников ЧК. Знаменитые высказывания Дзержинского («У чекиста должно быть горячее сердце, холодная голова и чистые руки», «ЧК должна быть органом ЦК, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции», «Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК»), — высказывания эти, став-

шие уже хрестоматийными, обретают плоть и кровь в живых воспоминаниях шофера Дзержинского С. Тихомолова, сотрудника Дзержинского по Юго-Западному фронту, ныне писателя Н. Равича, видной деятельницы КПСС Е. Стасовой, секретаря Ленина Л. Фотевой, коменданта Московского Кремля П. Малькова.

Стоит отметить и ту сторону в деятельности Дзержинского, живо представленную, например, в воспоминаниях А. Луначарского, которую можно назвать воспитательской. Сюда относится не только известная его инициатива — принятие Чрезвычайной комиссии шестфа над беспризорниками. Он умел не отдавать «колеблющихся» или просто «обиженных» в руки врага, умел привлекать их на сторону советской власти. Сколько незаменимых специалистов нашел он таким образом и использовал в деле восстановления народного хозяйства, будучи уже на посту наркома путей сообщения, а потом главой ВСНХ!

Наконец, глубокое впечатление оставляют и те места воспоминаний, где показывается полное личное бескорыстие и простота быта Феликса Эдмундовича. «Мы, коммунисты, — говорила она, — должны жить так, чтобы широчайшие массы трудящихся видели, что мы не дорвавшись к власти ради личных интересов каста, не новая аристократия, а слуги народа». Таким был он сам, таким он встает со страниц скромных, неприятельных, но искренних воспоминаний о нем его друзей и соратников.

Рязань.

Л. Володолов.

ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ. «Мысль». М. 1968. 259 стр.

В последние годы вышло немало книг по вопросам социологии, поэтому каждая очередная работа на эти темы должна проходить особенно строгую поверку вопросом: что нового несет она читателю? В этом смысле данная книга, как нам кажется, представляет интерес в двух отношениях: во-первых, здесь делается попытка раскрыть методологическое значение некоторых об-